

Девушка подняла взгляд на Цзычу. Смятение, отразившееся на его лице, заставило ее сердце сжаться. В широко распахнутых глазах задрожали слезы, превращая немую мольбу в безмолвный плач.

Девушка высвободила ладонь, опустила ресницы и, утирая слезы, едва слышно прошептала:

— Господин не желает дитя от своей супруги?

Только теперь Цзычу заставил себя посмотреть на нее. Встретив этот полный тоски и надежды взгляд, он мысленно выругался и тихо вздохнул.

Быть может, прежний хозяин этого тела и пришел бы в неописуемый восторг от вести о беременности этой женщины... Цзычу, по правде говоря, все еще путался в тонкостях древнего этикета и не мог толком разобраться, кем ему приходится эта красавица — законной супругой или младшей наложницей. Но лично для него ее близость была смертельно опасна. Женщина, знающая каждую привычку, каждую мелочь в поведении своего мужчины, раскусит подмену в два счета.

Заметит хоть одно несовпадение, сочтет одержимым злым духом — и пиши пропало.хлопот потом не оберешься.

С другой стороны, ее беременность — отличная ширма. Ему нужно лишь прикинуться заботливым и нежным, чтобы списать любые странности на искреннюю радость от скорого отцовства.

К тому же всем известно: беременные женщины слишком рассеянны и погружены в себя, чтобы замечать мелочи.

Цзычу мягко улыбнулся и заглянул ей прямо в глаза. Бережно смахнув влажную дорожку с ее щеки, он перехватил ее хрупкие пальцы, прижал их к своим губам и тихо произнес:

— Ну что ты, глупенькая... Я просто опешил от счастья, голова кругом пошла. Но ты ведь еще так юна... Справишься ли?

Тень грусти мгновенно сошла с ее лица, уступив место кокетливой улыбке. Она шутливо надула губы:

— Мне уже восемнадцать, господин. Самое время обзавестись наследником.

Цзычу осторожно придвинулся ближе, коснулся ладонью ее живота и полушутя попросил:

— Ну-ка, дай мне еще раз проверить.

Щеки красавицы вспыхнули густым румянцем. Вся ее бывшая смелость куда-то испарилась; она шутливо попыталась уклониться от его рук и зашептала:

— Ах, господин, ну не надо...

Воспользовавшись предложением, Цзычу отпустил ее нежную ладонь. Приобняв девушку за плечи, он мягко притянул ее к себе:

— И все же, с чего ты взяла, будто я не рад нашему дитя?

Взгляд прелестницы на мгновение потускнел. Извернувшись всем телом, она спрятала лицо у него на груди и глухо пробормотала:

— Вы снова раните мне сердце, господин... Должно быть, до сих пор не можете простить мне того, что когда-то я принадлежала Люй Бувэю. Но ведь он — всего лишь безродный, грубый торговец, куда ему до вас! Неужели вы забыли, как сами выпросили меня у него? И я пошла за вами без капли сомнения. Я... я полюбила вас с первого взгляда, господин. Умоляю, проявите милость, не поминайте бывшее.

Цинь Цзычу онемел.

Лю... Люй Бувэй?!

Упругое, гибкое тело девушки по-прежнему ластилось к нему, дразня мужское естество соблазнительными изгибами. Любой другой на его месте давно бы потерял голову от вожделения, но Цзычу сейчас было совсем не до плотских утех. Услышанное имя обрушилось на него подобно грому среди ясного неба, вышибив из легких остатки воздуха.

Кто такой Люй Бувэй?

Пусть в прошлой жизни Цзычу и был закоренелым технарем, но какой мужчина не увлекается историей и политическими играми? Да и на его родине каждый со школьной скамьи знал это имя.

Великий купец Люй Бувэй нашел в Царстве Чжао всеми забытого заложника по имени Ин Ижэнь. Потратив горы золота и пустив в ход свое легендарное красноречие, он убедил тогдашнюю супругу наследного принца, госпожу Хуаян, усыновить бедолагу, сделав его законным наследником. Мало того, предприимчивый делец уступил Ижэню собственную любимую наложницу, Чжао Цзи. Позже Ижэнь взойдет на престол, а рожденный его супругой сын, Ин Чжэн, станет великим императором Цинь Шихуанди. Сам же Люй Бувэй после смерти Ижэня приберет к рукам власть при малолетнем правителе, соберет под своим крылом три тысячи мудрецов и составит монументальный труд «Весны и осени господина Люя».

Впрочем, все эти великие исторические свершения сейчас меркли перед одним простым фактом.

Самым важным оставался вопрос, над которым веками бились историки будущего: кем на самом деле был Ин Чжэн? Сыном законного отца Ижэня или все-таки бастардом Люй Бувэя? В XXI веке к единому мнению так и не пришли.

Если эта прелестница — та самая Чжао Цзи, которую он самолично выпросил у купца, то под ее сердцем сейчас зреет... Ин Чжэн? Или все же Люй Чжэн?

Цзычу уставился в потолок над кроватью и беззвучно, горько усмехнулся. Кто бы мог подумать, что медицинские формулы расчета даты родов, которые он когда-то заучил при весьма ироничных обстоятельствах, теперь послужат ему для раскрытия главной тайны китайской истории.

Что же касается его самого... Похоже, судьба уготовила ему роль величайшего рогоносца в истории человечества — несчастного Ин Ижэня.

В прошлой жизни ему умудрился наставить рога собственный парень, а теперь — новый виток издевательства. Мало того что на него нацепили этот позорный венец, так его еще и придется носить, не снимая, до самой смерти!

Цзычу изогнул бровь и раздраженно сжал в кулаке прядь длинных, рассыпавшихся по плечам волос. Слава богам, черные как смоль, никакого намека на жизнеутверждающую зелень.

Красавица все еще тихонько хныкала, прижимаясь к его груди и орошая слезами шелковые одежды, но у Цзычу не осталось ни капли душевных сил, чтобы ее утешать.

Аккуратно отстранив Чжао Цзи, он поднялся с постели. Всклопоченный, босой, он бросил сухое: «Мне нужно освежиться» — и поспешно выскользнул из спальни. Ему требовалось срочно остаться наедине со своими мыслями и трезво оценить масштаб катастрофы.

Ладно бы он оказался просто знатным юношей, но в эпоху Сражающихся царств титул «княжича» носили лишь те, в чьих жилах текла царская кровь.

Сейчас его официальный статус — внук правителя великого Царства Цинь, сын наследного принца. Но радоваться было рано: он находился в столице враждебного Царства Чжао на положении бесправного заложника. Любая искра на границе — и его голова полетит с плеч первой.

Цзычу остановился в тихом уголке сада. Широкие листья раскидистого платана укрывали его от палящего полуденного солнца, пропуская лишь редкие золотистые блики. Тепло, ласкающее кожу, немного утихомирило бурю в душе.

— Желает ли господин чего-нибудь? — раздался робкий девичий голосок. К нему, заливаясь краской, подошла юная служанка лет четырнадцати.

Неподалеку, у крытой галереи, переминались с ноги на ногу еще три девчушки примерно того же возраста. Стоило Цзычу одарить их мягким, оценивающим взглядом, как каждая приняла эту ласку на свой счет. Девушки застенчиво потупились, пряча смущенные улыбки.

Цзычу со значением улыбнулся. Протянув руку, он коснулся цветка в прическе служанки, осторожно приподнял ее пальцем за подбородок и, поправив украшение у ее виска, тихо проговорил:

— Жаль, этот бутон уже распустился. Тебе бы куда больше подошел нежный, едва раскрывшийся цветок.

Девушка вспыхнула до кончиков ушей и окончательно лишилась дара речи, лишь ниже опустив голову.

Цзычу отпустил ее подбородок. Поняв, что почва подготовлена, он заговорил деловым, но по-прежнему мягким тоном:

— Раз уж ты здесь, сделай одолжение. Перенеси мою постель в кабинет. Госпожа носит дитя, сейчас ей нужен покой, не стоит ее тревожить лишний раз.

— Господин так заботлив... — прошептала служанка с нескрываемым восхищением. Немного помявшись, она добавила: — Меня зовут Люйцяо. Где именно в кабинете приказать расстелить постель?

— Пожалуй, покажи мне дорогу, Люйцяо, — совершенно естественно отозвался Цзычу. — Я посмотрю на месте и решу.

"Отлично. Заодно узнаю, где в этом доме находится кабинет".

Облегченно вздохнув про себя, он последовал за покачивающей бедрами Люйцяо.

Окружающая роскошь — резные колонны, расписные балки — не приносила ему радости. Он чувствовал себя чужаком в чужом монастыре.

Поместье охранялось на славу: стражники стояли буквально на каждом шагу. Их взгляды, холодные и цепкие, провожали его с нескрываемым подозрением. В них читалась застарелая враждебность — так смотрят на зверя в клетке, которого в любой момент могут пустить на убой.

Обогнув галерею, они вышли к дверям кабинета.

Дом, купленный для него Люй Бувэем, был огромен и выстроен на славу. Все жилые помещения выходили окнами на южную сторону. В эту эпоху, когда большинство построек душили хозяев тесными окнами и вечным полумраком, такое жилье считалось верхом роскоши — здесь всегда было сухо, светло и тепло. Но едва переступив порог, Цзычу нахмурился.

"Что за чертовщина? Почему здесь так пусто?"

Прежде чем он успел выказать недоумение, Люйцяо поспешила заговорить, опережая его вопросы:

— Господин, вы ведь раньше не жаловали чтение. Бамбуковые свитки нынче дороги, да и места занимают много, вот господин Люй и не стал тратить. Кабинет пустует, так что устроить здесь спальню — самое милое дело.

От упоминания Люй Бувэя у Цзычу внутри все перевернулось от досады, однако лицо его осталось непроницаемым. Он лишь благосклонно улыбнулся и кивнул, словно полностью разделяя ее мнение:

— Твоя правда. В чужом краю приходится считать каждую монету. Если бы не забота Великого наставника, не знаю, как бы я вообще выживал.

Стряхнув минутную тень с лица, он с живым интересом указал на залитый солнцем угол:

— Место отличное, света много. Давай устроим постель прямо здесь.

— Ха-ха, Ижэнь! Так вот ты где прячешься! Всю усадьбу обошел в поисках! — раздался из дверей громогласный, бархатистый баритон. От одного этого голоса веяло уверенностью и неподдельным радушием.

Цзычу замер, спешно взял себя в руки и обернулся к вошедшему с самой радушной улыбкой, на какую только был способен.

Стоявшая рядом Люйцяо поспешно склонилась в глубоком поклоне:

— Приветствую Великого наставника Люя.

Сомнений быть не могло: перед ним стоял тот самый человек, чье имя висело над ним дамокловым мечом, — великий интриган Люй Бувэй.

Небрежным жестом велел служанке удалиться, гость слегка прищурился от яркого света и внимательно оглядел Цзычу. Что-то в молодом княжиче сегодня неуловимо изменилось. Черты лица остались прежними, даже эти всклокоченные, несобранные волосы... Но держался Ижэнь совсем иначе. В его осанке больше не проглядывало былой нервозности и напускной суеты. Он стоял посреди голых стен с таким невозмутимым изяществом, словно позировал искусному живописцу.

Прежде чем купец успел заговорить, Цзычу сам шагнул ему навстречу и с нарочито глуповатым восторгом выпалил:

— Спасибо тебе, наставник, за такой щедрый подарок! Чжао Цзи понесла! Это будет мой первенец! Ха-ха-ха, ну точно мальчик, чует мое сердце!

"Он что, совсем умом тронулся от радости? Или издевается надо мной?"

Мимолетное подозрение Люй Бувэй растаяло как утренний туман. Нет, Ижэнь остался все тем же никчемным, набитым опилками щеголем. Прекрасно ведь знает, как тяжело далось наставнику расставание с любимой наложницей, но все равно лезет соль на рану сыпать. Мелочный, глупый и совершенно пустой малый.

— О, это воистину великая весть! — с натянутой улыбкой отозвался Люй Бувэй. Изобразив на лице искреннюю заботу, он усадил Цзычу рядом и по-дружески сжал его ладонь: — И какой же срок у госпожи?

Цзычу изобразил легкое замешательство, а затем смущенно кашлянул:

— Да срок-то совсем крошечный... Едва пошел второй месяц. Но я как услышал — сразу решил перебраться в кабинет, от греха подальше.

— Княжич являет собой пример редкого благородства и заботы, — вкрадчиво проговорил Люй Бувэй, а затем, подавшись вперед, зашептал ему на ухо: — Я ведь только воротился из Сяньяна. Ваша матушка, госпожа Хуаян, передала для ваших нужд несколько тысяч золотых монет. Как думаете распорядиться этим богатством?

Цзычу легкомысленно отмахнулся и обвел пальцем пустую комнату:

— Пока супруга не разродится, я обоснуюсь тут. Негоже принимать гостей в голых стенах, засмеют ведь. Великий наставник, вели купить побольше бамбуковых свитков, пусть забьют все полки доверху. Будет хоть на что посмотреть.

Люй Бувэй едва удержался от презрительной усмешки. Мало того что дурак, так еще и транжира без царя в голове. Впрочем, тем лучше — такой марионеткой управлять куда проще.

— Будет исполнено, мой господин, — угодливо поклонился Люй Бувэй. — Твой верный слуга устроит все наилучшим образом. Тебе ни о чем не придется беспокоиться.

Мысленно рассмеявшись этой дешевой лести, Цзычу соорил самое простодушное лицо и с благодарностью закивал.

В этот миг Цзычу бросил на него быстрый, из-под полуопущенных ресниц, взгляд. Сердце великого торговца внезапно пропустило удар: сегодняшний княжич показался ему ослепительно, пугающе красивым.

<http://bllate.org/book/18277/1750268>